Наследник
МАГНАТА
ТАИС БУШЕ

Таис Буше

Наследник магната

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69979921
SelfPub; 2023

Аннотация

Саша вошла в квартиру Кирилла Громова и замерла. Кого она обманывает?! Ей здесь не место. Кому нужна беременная девушка в качестве повара, которая через пару месяцев вполне может перестать выполнять договор найма в полном объеме.Так она думала, а вот сам Кирилл только и мечтал о том, чтобы Александра переступила порог его квартиры и осталась в поле его зрения надолго.

Содержание

Глава 6 31
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Таис Буше
Наследник магната

Пролог

На кухне стоял ванильный сладкий аромат сырников, которые я налепила на целый месяц. Я мяла творог, смешивала ингредиенты, лепила «котлетки», добиваясь совершенной формы – беленьких колобочков. Я любила сырники, идеальное блюдо на завтрак в такой же ранний час как сейчас, когда солнце просачивается лучами через опущенные жалюзи.

Лепка меня всегда успокаивала. Как и замешивание кремчиза. Его я всегда готовила вручную – дома можно, не нужно никуда торопиться. А теперь мне вообще торопиться некуда; ни на работу; ни на волонтерскую работу. Все, финита ля комедия, я теперь технически безработная и скоро бездомная. А столько было планов на этот год, столько идей…

Вчера я составила список задач, а сегодня решила его повесить перед глазами, поэтому достала из сумки магнит с логотипом «Каракин кейкс» – моего бывшего места работы – и повесила листок на дверцу старого холодильника, прижав им свой список на ближайшие девять месяцев. Точнее, на ближайшие восемь месяцев и две недели. Черным маркером я написала четыре пункта:

1. Родить здорового ребенка;
2. Начать свой кулинарный блог;

3. Забрать Петю из приюта;

4. Выяснить причину, почему возник пункт № 1.

Тоня за неделю нашего общения после моих анализов долго и продуктивно вытаскивала из меня все воспоминания по поводу той ночи после мероприятия. А потом все-все записывала в блокнот. Слава всем богам и Буддам, что со мной не произошло никакого насилия – я просто оказалась в постели незнакомого мне мужчины, которого даже рассмотреть побоялась. Запомнила лишь одну деталь, но в Москве татуировками на руке никого не удивишь. В общем, Тоне с информацией я помочь не могла, зато она вцепилась как Цербер во все мои заметки и обещала разобраться кто, как и зачем.

А ведь год назад мой врач с тяжелым сердцем сообщила мне диагноз – детей не будет. Вот так, в двадцать пять лет узнать, что придется попрощаться со своими мечтами о семье с двумя детьми, было тяжело. Не смертельно, но ужасно больно, будто в один миг ты проваливаешься по пояс в зыбучие пески, а вытащить некому. Конечно, я тогда не поверила, но после второй проверки диагноз остался прежним, а я удалила со своей доски в «Пинтерест» все картинки с детскими комнатами.

И сделала то, что делают все молодые свободные женщины – ушла с головой в работу. Освоила все тонкости кондитерского мастерства, за что получила пару раз скупую похвалу от нашего упыря-начальника, великого Каракина.

И все шло по привычному кругу, понятному и обычному, пока я не открыла глаза в чужой спальне. И это самое удобное болото вдруг вмиг пересохло, оставив меня обнаженную перед всеми жизненными ветрами. Первый и самый сильный порыв снес меня с ног, второй откинул назад, а третий… Третьим ветром, что превратился в ураган стал Кирилл Громов, старший сводный брат моего хорошего друга. Но обо всем по порядку…

Глава 1

Неделю назад

– Саша, не реви! Ну, найдем мы хозяина этого сперматозоида-оплодотворителя. Ну, перестань, – пыталась успокоить меня Тоня, поглаживая по спине. Но от этого ласкового жеста слезы почему-то лились еще сильнее.

– Тоня-а, – завыла я. Слова не шли. Я так и не смогла понять причину своих слез – радость или ужас.

– Саш, ну я тебя прошу. Давай успокоительного накапаю. Да?

Я лишь покивала, пытаясь сдержать потоп. Распечатка с результатами ХГЧ уже давно превратилась в смятый комок.

– Вот и хорошо! Сейчас-сейчас, – закрутилась по небольшой кухне Тоня, доставая стопку с верхней полки и капая в нее отнюдь не успокоительное. Я уже хотела напомнить о том, что беременная, но подруга залпом выпила водку, скривилась, закрыв рот тыльной стороной руки со стопкой и

громко выдохнула:

– Это мое успокоительное. А тебе теперь только травяной ромашковый чай.

– И алую букву нашить на рабочую униформу, – продолжала я оплакивать свою судьбу, которая умудрилась выкинуть такой фортель в моей жизни. А я-то думала, что скучно живу! Вот теперь мне будет «весело», стану матерью-одиночкой. Ребенка я ужасно хотела, но еще бы хотела, чтобы прилагалась семья с любящим мужем.

От уложенной прически не осталось и следа. Темные волосы торчали в разные стороны. Тушь стекла под глаза, оставляя синяки не хуже, чем у панды.

– Саша, ну тоже мне преступление – забеременеть, – цыкнула на меня Тоня. Вот умела она так все вывернуть, что и не проблема, а просто очередная жизненная задача.

– Не забеременела, а залетела… Не пойми от кого-о, – снова сорвалась я в плачь. – Я же так с утра перепугалась, что меня оттуда сдуло ветром. И на лицо не посмотрела. Да я вообще ни на что не посмотрела. В памяти только увиденная татуировка на его руке отпечаталась, да и то только потому, что эту самую руку с себя снимала. И все. Мне все! – последнее я почти выкрикнула.

– Еще ты знаешь, где он живет, – напомнила Тоня. – Сама же говорила, что выбегала не из отеля, а из дома. Домика в Хамовниках. Значит, точно не бедствующий.

Я фыркнула на это уточнение. Да, квартира в Садовых

кварталах мне даже во снах не снилась, а кто-то жил там и радовался.

– Он-то может не бедствующий, а я вот очень скоро ей стану. Какие копейки мне на работе будут платить по декретным… Тонь, может аборт? – сама не знаю, зачем спросила о таком. Как посмела даже заикнуться. Мы ведь обе знали – то, что я забеременела – настоящее чудо. Да и мой гинеколог после осмотра сама до конца поверить не могла, что в моем теле прижилась жизнь. Я ведь усыновлять планировала. В свои двадцать пять. А теперь вот…

– С ума сошла! – выпучила на меня глаза Тоня. – Саш, не смей даже думать о таком! Ты же себя потом проклянешь! За деньги не переживай. За жилье тоже. Будешь у меня жить, чтобы на съем не тратиться. С ребенком помогу. А оплодотворителя вычислим.

– Ох, Тонь, может не будем искать. Не знаю, мне от всего этого противно. Думаешь такому дети в подоле нужны?

Тоня посмотрела на меня серьезно. По глазам видела, что сейчас мне будут мозг вправлять.

– Саша, – протянула подруга ласково-ласково, – а деньги с неба падают? Знаешь, что похуже женской гордости?

Я покачала головой.

– Женская наивность, – припечатала Тоня. – За гордость тебе бесплатно в детских магазинах товары выдавать не будут. И не забывай – мы еще не выяснили, что там на этом чертовом корпоративе реально произошло. А ты уже вклю-

чаешь пластинку «понять-простить» и с гордо поднятой головой уходишь в закат. Нет уж, будем докапываться до правды и заодно искать папашку.

– Ладно, – пробубнила я себе под нос, соглашаясь с доводами. Что-то новость про беременность меня сильно шокировала, что я совсем откинула причину этой самой беременности. Сейчас не время залезать обратно в свой кокон. Скоро мне надо будет заботиться о малыше, и Тоня права – помощь, в том числе и денежная, мне не помешает.

– Но ты уверена, что насилия не было, Саш? Иначе…

– Нет, – перебила ее. – Точно не было. Я ж тебе говорила, что проснулась с таким блаженным счастьем внутри, будто рядом со мной любимый мужчина. Сомневаюсь, что тело бы так положительно реагировало, если бы все было иначе. Да и я сразу же к Тамаре Викторовне побежала.

Тоня села на табурет рядом со мной и забарабанила пальцами по столу.

– Да, ты говорила. Но меня пугает, что ты ничего не помнишь. Не надо мне было уезжать и оставлять тебя одну. Но фирмы же приличные, клиенты солидные, да и не один год с ними работаем. Я и подумать не могла…

– Ну Тоня, ты только не плачь, иначе я сама сейчас зареву, – обняла я подругу, чувствуя, как потекли первые слезинки. Гормоны мои устроили настоящую революцию, отчего мое настроение колебалось от минуса к плюсу за секунды. Интересно я до родов-то с такими перепадами доживу? Та-

мара Викторовна говорила, что доживу, но по ее озадаченному лицу я сразу поняла, что многое и ее саму удивляло. Посмотрим. Сейчас моя основная задача – доработать до декрета.

Тонька обняла меня в ответ, и мы все-таки разревелись. Наплакались и поужинали летним салатом и фаршированными перцами. А за чаем Тоня подняла вопрос про жилье:

– Саш, а может, ты уже сейчас ко мне переберешься? Деньги на съем будешь откладывать. Комната свободная у меня есть.

– Так у тебя же там студия, свет настроен, место для косметики, – как-то виновато проговорила я.

– Да проблема что ли?! – фыркнула Тоня. – Перенесу в свою спальню. Там можно угол организовать. К тому же, это так, хобби. Просто нравится со всей этой косметикой возиться, краситься. Так-то мне некуда.

– Тебе точно не в аудиторы надо было идти, а в маркетинг для бьюти-индустрии.

– Я люблю цифры и порядок, – улыбнулась Тоня. – Как ты свой миллион сортов муки. Мне интереснее анализировать, чем создавать. Поэтому работу я свою люблю.

– Это хорошо, – подтвердила я. – Не представляю, как люди работают там, где не чувствуют себя на своем месте. Это ж счастье, Тонь, найти свое место.

– Ты только сейчас это поняла? – прыснула подруга и рассмеялась. – Счастье вообще вещь простая: здоровье, реали-

зация, любимые люди – вот и все ингредиенты, а остальное такая ерунда.

– Это ты так себя морально поддерживаешь из-за разбитого телефона? – пошутила я над Тоней, но она блеснула лукаво глазами и показала указательный палец, мол, «одну минуту», быстро ушла в соседнюю комнату, а потом вернулась с коробочкой с очень узнаваемым брендом.

Я вытаращила глаза.

– Виновник смерти моего гаджета вчера извинился и презентовал вот такую замену.

– Он стоит в десять раз дороже твоего, – выдохнула я, разглядывая красивый красный цвет корпуса.

– Я так и сказала, но слушать меня не стали, поэтому пришлось забрать.

– Тонь, такие подарки просто так не дарят, – я лукаво улыбнулась, намекая, что даритель точно не ровно дышит к ней. Но Тоня забрала тонкий пластик из моих рук и закатила глаза. Голос у нее был какой-то грустный:

– У этого мужчины, Александра Дмитриевна, есть невеста. А про «не стали слушать» – это в прямом смысле. Всунули в руки коробку, извинились и пошли дальше. ВВП будет последним из мужчин, с кем я стану флиртовать.

– Это был Владимир Владимирович? – искренне удивилась я. Тоня мне про тот инцидент толком и не рассказала, а сейчас я поняла, что ей и не хотелось. Господина Потапова я знала, как раз готовила десерты для его корпоратива, кото-

рый стал для меня роковым.

Тоня ничего не сказала, только кивнула и снова ушла в комнату, чтобы отнести телефон.

– Но ты им не пользуешься?

– Потому что подумываю продать, – сразу ответила Тоня со всей своей практичностью. – Зачем мне такой дорогой телефон? Мне и мой нравился на все сто один процент. А деньги никогда не лишние.

– Он красивый.

– Этой красоты на неделю, а потом и замечать перестанешь. Вот лучше чайник обновлю. Хочешь еще чашечку? – уточнила Тоня и нажала на кнопку подогрева. Я хотела сказать что-то еще в защиту красного красавца, но передумала. Тоня ведь рационалист, и всегда очень трезво все оценивает. И тут прямо в точку сказала – через неделю радость от новизны спадет. Жалко только, что и к мужчинам у нее был очень прагматичный подход, в любовь она не особо верила.

«А я вот все жду того единственного», – напомнил мне внутренний голос, и добавил: – «С животом от неизвестного красавца». Сомнений в том, что тот мужчина был красив, у меня почему-то не было. Как и в дурости ожидания принца.

Глава 2

Кирилл. Неделю и четыре дня назад

Я потянулся и глубоко вздохнул. Как же было хорошо! Как волшебно! Будто ты наконец-то обрел то настоящее, ра-

ди чего и стоит жить. Энергия переполняла меня, а все тело, словно хорошо заряженная батарейка, было легким и сильным. Неудивительно после такой-то ночи!

Я открыл глаза и резко сел на кровати. Убежала! Взяла и бросила меня!

Хорошее настроение как рукой сдуло. Может, я ошибся? В конце концов, Саша мне всегда нравилась, а на корпоративе я позволил себе немного расслабиться и действовал на инстинктах: защитить, утащить к себе, присвоить. Дери конем эти чертовы звериные инстинкты!

А Саша… Саша чуть не вляпалась в какое дерьмо. Кстати, о дерьме… Надо бы связаться с Вовой, выяснить, кто это у него такой на празднике был, что такие дела проворачивает. И потом заехать в гости, да пояснить правила приличия в нормальном обществе.

И к Саше заехать. Поговорить. Ник скоро возвращается, вот как раз узнаю все пароли-явки. Если чутье обмануло, то…

Я резко встал с кровати и размял плечи. Быстрым шагом прошел в ванную, где умылся и накинул халат. На кухне запустил кофемашину, а сам уткнулся в телефон и почти сразу нашел нашу совместную фотографию под углом сорок пять градусов, полутемную и смазанную, но от этого выглядящую слишком живо. Сразу вспомнился Сашин смех. Ее нежный аромат. Мягкость волос.

Нет, ничего я не ошибся! Она моя и точка!

В руках ожил телефон, завибрировал входящим звонком. Я свайпнул по экрану и включил громкую связь.

– Добренькое, – хрипло произнес Вовка. – Как утро? Не помешал? – последнее он проговорил с талантом Чеширского Кота.

– Некому мешать. Я тут один, – ответил я спокойно, но Вова, наверняка, понял, что бодрюсь.

Динамик передал чужое копошение – Владимир Потапов явно проверял время.

– Уже? – удивился он.

– Уже! – огрызнулся я, злясь на самого себя. Ведь всегда хвалился, что сплю как тигр. Любой звук, и сразу просыпаюсь. А тут просто вырубило.

– Так догони, – усмехнулся Вова.

– Да не знаю я, куда догонять. И вообще, убежала, значит, сожалеет.

– И?

– Что «и»? Бегать за сожалеющей девицей не буду, – отрезал я, хотя в душе тигриными когтями скребло. Пять минут назад собирался же присвоить ее себе окончательно, а сейчас почему-то неимоверной злостью накрыло.

– Ясно, – ответил Вова. И так это укоризненно сказал, что разозлил еще больше. А еще друг называется! Никакой он не «врачеватель душ», а настоящий «патологоанатом душонки».

– И что тебе ясно? – рычание вырвалось само. Сто лет уже

не проявлял свою верскую природу, тем более на близкого друга, а сегодня прямо все с утра не задалось.

– Что дурак ты, Киря. Ну, впрочем, как и я. Два дебила, как выясняется, совсем не сила, а так – пук в воздух. Я дров наломал, теперь не исправить. Ты еще можешь не доходить до этой черты.

Я замолчал. Вовка, конечно, прав. Надо все-таки собраться и встретиться. А если откажет, то завоевать. Я же вер в конце концов.

После кофе я натянул спортивную форму, зашнуровал кроссовки и решил пробежаться по двору. Бодрости было столько, что хоть самому телефон подзаряжай, поэтому я недолго думал о том, чем заняться в такую рань. На первом этаже не забыл заглянуть в комнату охранников, попросил показать записи с камер от внешнего входа. Там хорошо просматривалась дорожка к остановке и часть шоссе. Вскоре появилась и Саша. Вылетела вся растрепанная, испуганная, и припустила в сторону остановки, где и запрыгнула в первый подъехавший автобус. Счастливой она не выглядела, как и радостной.

Настроение стало падать еще сильнее. Я сжал зубы и кивнул сегодняшней смене. Мужики, видимо, уловили мое изменение настроения, поэтому вопросов в стиле «она что-то украла?» или «все в порядке, Кирилл Викторович?» не последовало. И хорошо. Иначе я бы показал им, что такое звериный оскал.

Нет, не буду я тебя искать, Александра, и точка.

Ошибся, с кем не бывает. А таких смазливых мордашек миллион.

Сидя в понедельник в своем кресле, я барабанил столешницу рабочего стола, раздумывая звонить или нет Никите. Вид на деловой центр, до этого с утра всегда бодривший, сейчас только раздражал. Работать совершенно не хотелось, как и не хотелось признаваться себе, что я не могу ее забыть.

– Ты ее всегда помнил, но делал вид, что это простая симпатия подружке брата, – сказал я вслух и громко вздохнул, откинувшись на спинку кресла.

– Вам плохо, Кирилл Викторович? – от двери послышался голос Веры Ивановны. Она была женщина ответственная и очень внимательная, поэтому я ее никогда не называл своим секретарем, а только ассистентом. И платил соответствующе.

– Сердце болит, – на автомате сказал я и сразу же захлопнул рот. Ну не дурак ли?! Не в том смысле же болит. Но Вера Ивановна округлила глаза, кивнула мне, и быстрым шагом удалилась к себе, а через пару минут принесла стакан воды и таблетку.

– Выпейте, поможет. А на ближайший день я вас запишу ко Льву Арнольдовичу. Вы себя не бережете, Кирилл Викторович. Только и работаете. Неудивительно, что прихватывать стало.

Я послушно выпил таблетку и не стал напоминать, что у веров здоровье отменное. Сердце и правда болело, было ка-

ким-то непривычно тяжелым. Что интересно делает сейчас Саша? Расстроена она? Или забыла, как страшный сон? Позвонит ли Никите, расскажет, что его сводный брат наложил на нее лапы?

На последней мысли я подскочил с кресла, напугав Веру Ивановну, которая, похоже, что-то рассказывала про врача. Она замерла, ожидая моего ответа, а я замер, глядя на нее.

– Наберите Никиту, Вера Ивановна. Мне нужно переговорить с братом.

– Хорошо, – удивленно ответила она. – Но у вас встреча через час в конференц-зале. Вы не будете готовиться?

Признаваться, что забыл или нет? У меня с той ночи мозг в перезагрузку ушел и, похоже, не включился обратно.

– Буду готовиться, а с Никитой переговорю позже, – ответил я и уселся обратно за рабочий стол.

– Я заварю чай, – сказала Вера Ивановна, радуясь, что все возвращается в привычный рабочий цикл. А я вдруг осознал, каково это, когда уже в понедельник хочешь выходных. Работать совершенно не хотелось. Впервые за десять лет.

Глава 3

Саша. Шесть дней назад

А на следующее рабочее утро меня ждал сюрприз.

– Александра, это что за декоративное говно? – раздраженно спросил наш шеф. Он приезжал к семи утра, когда основные заготовки были уже подготовлены. Эклеры, биск-

виты, плотные кремы – готовка начиналась в пять утра. А к восьми утра наша кондитерская уже рассылала упакованную продукцию по столичным ресторанам.

И не дай бог кто-то портил основы!

– Простите, Арсений Петрович, но что случилось? – уточнила я на всякий случай, хотя уже догадывалась, в чем проблема. Утром за подготовкой ягодных начинок меня настигло возмездие за мое прелюбодеяние – у меня обострился нюх. Я как-то разом ощутила весь спектр запахов: от кислых ягод до удушающего запаха сахарной пудры.

Мне стало плохо. Замутило. И я рванула в туалет. Там я попрощалась с Тониным чаем и корочкой хлеба. На какое-то время мне стало даже лучше. И я списала все на нервы. Ага, как же!

Через час все повторилось, только при этом жутко разболелась голова. И мне пришлось доделывать свой фронт работы на автомате, смешивая ингредиенты по памяти. А не так, как я привыкла – по интуиции.

И вот результат.

– Случился Армагеддон, Александра. Вы запороли партию в «Гранд Буше». Это «говно» настолько сладкое, что даже наш голубок Вадик его не высрет. Понятно, что случилось?

Я опустила глаза на носки своих балеток. Все ненавидели Арсения Петровича. В сахарном гробу его видели, украшенным марципановыми листиками и розочками из масла – те-

ми самыми, которые наш шеф так ненавидел. Но была очень веская причина, почему все терпели этот жуткий, ужасный характер – Арсений Петрович Каракин был лучшим кондитером России, и лишь одно упоминание в своем резюме его кондитерской обеспечивало вход во многие кафе и рестораны без собеседования. Я сюда попала с конкурса в своем пищевом техникуме, и это было огромным невероятным везением, ведь именно на этот конкурс пришел Каракин за компанию со своим другом-судьей. И именно в этот день мне испортили ингредиенты и пришлось импровизировать на ходу, создавая из спасенных остатков ром-бабу, которая изрядно удивила великого кондитера.

С тех самых пор Арсений Петрович то ли возненавидел меня, то ли решил создать из меня робота-кондитера. Я держалась из последних сил, но в своем нынешнем положении я вряд ли протяну и месяц.

– Понятно, Арсений Петрович. Могу я переговорить с вами в вашем кабинете? – спросила я, продолжая сверлить носки своих туфель.

Около меня послышался усталый вздох и лаконичное:

– Пошли.

Кабинет у Каракина был огромным. Я подозревала, что маэстро тут частенько спит – вон за той перегородкой виднелась кровать. Он был одиноким трудоголиком с паршивым характером, так что я все это время пыталась нащупать пра-

вильную линию разговора. С таким человеком про детей говорить бесполезно, но придется.

Арсений Петрович уселся за свой рабочий стол, откинувшись на спинку кожаного кресла, и уставился на меня, выжидательно разглядывая:

– Ну, я жду? Что ты хотела сказать, Александра?

Я обвела кабинет нашего дьявола еще раз, уже интуитивно чувствуя, что бывать я тут больше не буду и набрала воздуха в легкие, а потом на одном выдохе произнесла:

– Я беременна, Арсений Петрович. И у меня обострился нюх и исказилось некоторое восприятие запахов.

Каракин облокотился локтями на столешницу и нагнулся медленно в мою сторону. Взгляд его моментально стал цепким.

– И теперь ты не можешь нормально заниматься заготовкой ингредиентов, – продолжил он мою мысль без особых эмоций. Даже удивления не показал. Хотя, на какое удивление я рассчитывала?! Это ведь только я, Тоня и мой гинеколог знали о моем реальном положении дел в этом интимном вопросе. Для Арсения Петровича я была просто молодой девицей, и не особо умной.

Дьявол во плоти снова откинулся на спинку кресла и усмехнулся:

– Уволена.

– Что?

– Ты уво-ле-на, Александра, по собственному желанию.

– Но? – я надеялась попросить начальника, чтобы он перевел меня на какую-то административную работу, ну хоть посудомойкой, но…

– Какие еще «но»? Я взял тебя на место кондитера, мне поломойка на девять месяцев не нужна, и тем более девица, которая потом будет висеть на балансе со своим спиногрызом. Пусть папа твоего ребенка тебя и обеспечивает.

– Вы не имеете права. По ТК…

Тут Арсений Петрович поднялся с кресла и наклонился совсем близко.

– Не вынуждай меня, Александра, применять меры. Ты же хочешь после рождения своего ребенка работать по своей специальности хоть в каком-нибудь кафе в спальном районе. Или уже плюнула на карьеру?

У меня слова застряли в горле. Я сейчас больше походила на рыбу, выброшенную на берег. Я, конечно, понимала, что Каракин не будет за меня радоваться, ну такой уж он человек. Но чтобы вот так!

– Нет, я собираюсь стать лучшим кондитером России, – вдруг вырвались из меня злые слова. Я лишь мечтала о таком, просто мечтала, не ставя себе никаких целей. А тут выпалила Каракину такое в лицо! Теперь он меня в порошок сотрет и посыплет им марципаново-масляные розочки на моем же сахарном гробу.

Его смех ударил по моим взвинченным нервам, эхом отдался в грудной клетке.

– Потрясающая наивность. Ну что ж, за то, что рассмешила меня, Александра, я тебе даже премию при увольнении выпишу, но заявление ты напишешь сегодня же. Всего хорошего!

Я сглотнула вставший ком в горле от злости и обиды на этого дьявола, но из последних сил собралась и громко ответила:

– И вам всего хорошего, Арсений Петрович!

Особенным удовольствием стал звук хлопающей двери, которую я совсем не пожалела, когда выходила из кабинета. Но на лестнице пришлось облокотиться на стену – перед глазами все плыло. Вот такое «декоративное говно», а не рабочий день.

Глава 4

Когда я хоть немного успокоилась, то позвонила Тоне. Она хоть и работала аудитором, но в силу профессиональной любознательности знала почти все возможные законы.

– Тонь, – произнесла я грустным голосом.

– «Меня уволили», да? – опередила меня Антонина.

– Да, – понуро ответила я. – Без разбега сразу и припечатал после первой же ошибки.

– Дьявольское отродье, – прошипела Тоня и добавила: – Я тебе говорила, брось ты эту безумную работу. Так что не расстраивайся, мы сегодня напьемся с радости! Ой, ну я напьюсь, а ты на меня посмотришь, – поправилась Тоня, а я прыснула от смеха. Чтобы я без нее делала!

– Спасибо, ты – мой ангел-хранитель! – поблагодарила от души любимую подругу.

– Саш, ну ты что… Ты что, опять плачешь? Не плачь! Тушь потечет. Перестань.

– Да я не красилась, – размазала я потекшую тушь. – Спасибо, Тонь.

– Ты можешь подать на него в суд, – вернула деловую нотку в голос Тоня.

– Знаю. И ты бы с него последние трусы стрясла. Но сколько это лет? Сколько нервов? Я лучше заберу у него титул лучшего кондитера.

– Вот! Это по-нашему! Порви его на лоскутки, вернее, на крошки. И не думай о проблемах. Вообще, лучше сейчас ни о чем не думай. Хочешь, я приеду, помогу заполнить все документы.

– Не надо, Тонь, я справлюсь. Твой голос меня всегда успокаивает лучше любого успокоительного. Я сама.

– Серьезно? А зачем же я тогда раньше вино нам брала и сыр, тратилась на посиделки, если могла бесплатным радио поработать, и тебе бы сразу же лучше становилось?!

Я рассмеялась и добавила:

– И тебе после моих эклеров. Кстати, хочешь, я приготовлю их сегодня?

– Давай. Как закончишь, бери такси, и приезжай ко мне. Будем отмечать твою свободу.

– Хорошо, – попрощалась я с подругой и пошла в сторону

кабинета нашего главбуха.

У Элины Федоровны было непривычно тихо и спокойно. Она всегда была олицетворением порядка в компании Каракина. Холодная, как статуя, и такая же жестокосердная. Так я думала, пока снова не разревелась перед этой женщиной, протягивая ей написанное заявление на увольнение. Неудивительно, что беременным постоянно напоминают про суточную норму жидкости в день, я уже наплакала именно эту суточную норму, которую мне нужно было теперь восполнить. И в этом пополнении жидкости мне и помогла Элина Федоровна, которая поставила передо мной большой стакан с водой.

– Попей, Саша. И поясни мне, пожалуйста, причину увольнения.

Я начала жадно пить, и с каждым глотком мои гормоны начали подползать к состоянию «норма». Сердцебиение тоже стало нормальным, а мысли перестали хаотично биться в голове. А чувства безвыходности, опустошенности и разочарования будто стали приглушенными и не такими давящими.

И я решила сказать, как есть. С каждым моим словом тонкие губы Элины Федоровны становились все тоньше и тоньше. Она сжимала их с такой силой, что я боялась, что они совсем пропадут, поэтому постаралась быстрее закончить объяснение.

– Значит так, – стукнула она ручкой о столешницу. – Я

стараюсь понять нашего… – тут она проглотила слова, и оставалось лишь догадываться о том, что было вынесено за прямую речь: мэтр кондитерского искусства или что-то поприземленнее, – и иногда простить. Но сейчас это уже выходит за рамками любых трудовых отношений. Такими темпами он тут крепостное право вернет. Никуда я тебя не уволю, Саша. Переведу на позицию моего помощника, будешь раз в неделю мне документы архивировать. Прежний оклад сохранить не смогу, к сожалению, но хоть какая-то копеечка. Согласна?

Я вспомнила все Тонины слова про деньги и гордость, и, конечно, принялась сердечно благодарить Элину Федоровну.

– Спасибо вам большое! Я вас не подведу. Я умею работать с документами.

– Ох, Сашенька, – вздохнула Элина Федоровна. – Я в тебе не сомневаюсь. Но он тебе жизни теперь не даст, – она усмехнулась, явно вспоминая мои слова про «отберу титул». – Смелая ты, Саша. И талантливая. Так что угрозу свою доведи до конца.

Уже на улице около входа в наше небольшое старое здание, я подумала, что смелости-то как раз во мне с гулькин нос. Я же даже побоялась разглядеть мужчину в постели, с которым умудрилась создать новую жизнь.

– Хоть бы он был не вер, – сказала сама себе и положила руку на живот.

Глава 5

Такси я заказала не до самого Тониного дома, а до входа в Сокольники. Мне ужасно захотелось съесть гонконгскую вафлю с шоколадной начинкой и нарезанными кусочками киви. У меня даже слюна выделилась от предвкушения, хотя раньше я за собой такой любви к этому десерту не замечала, да и к киви была равнодушна, но желание только усиливалось, а когда я вышла из такси около центрального входа, так и вообще заставило меня идти прямо к фудтракам. И только когда я получила свой стаканчик с вожделенной вкуснятиной, я пошла прогулочным шагом в сторону розария. Август – самый лучший месяц городского лета. В сентябре я собиралась в отпуск – вместе с Тоней поехать в Питер, покататься по каналам и поесть пышек, но теперь какой уже отпуск?! Все накопления пойдут на свои потребности. Тогда я еще не знала, что и со съемной квартиры меня попросят съехать буквально через неделю, но сейчас была солнечная теплая погода, и я с урчанием кота откусывала большие куски от вафли и прожевывала, зажмурив глаза.

Так и шла по дорожке, не обращая ни на кого внимания, пока не врезалась в мужскую спину, размазав по белой футболке жидкий шоколад.

– Ой, – произнесла я виновато, открыв наконец-то глаза. След некрасивым пятном явственно выделялся на белой ткани.

Мужчина обернулся сразу, отрываясь от своего телефо-

на и уставился на меня. Я удивленно раскрыла глаза, вдруг узнав такие милые ямочки на щеках.

– Вот это встреча, Саня! Как в старые добрые времена! – весело произнес молодой мужчина и вдруг схватил меня в объятия, подняв над землей. Я весело захохотала, а потом принялась выпутываться из крепких объятий Ника.

– Сань, ты работу прогуливаешь? Или в отпуске? Я как раз собирался тебе звонить. Я же вернулся только вчера. Я…

– Замри, Ник, – я остановила тираду друга. Улыбка не сходила с моего лица. Я приподнялась на носочки и крепко его обняла. – Я ужасно рада тебя видеть!

– Вижу, – хохотнул Ник, а потом отстранился и одним движением стянул футболку, оголяя свое великолепное накаченное тело. А я задумалась, почему мы с Никитой только дружили? Почему я никогда не смотрела на него женским взглядом? Нет, я, конечно, смотрела и рассматривала красавца, но у меня никогда не было урагана эмоций…

«Как в ту ночь», – добрый внутренний голосок сразу напомнил о грехопадении. Но что тут отрицать – это правда. Никита не вызывал у меня ни одного даже малюсенького гормонального всплеска. Даже обидно, мы ведь просто идеально понимали друг друга, словно брат и сестра.

– Прости, измазала тебя, – повинилась я, возвращаясь в реальность из мыслей. – Давай постираю.

Никита вдруг расплылся в какой-то лукавой улыбке и радостно ответил:

– Давай. У меня дома.

Я глянула на фитнес-браслет – Тоня хоть и работала сейчас дома, но я знала, что до пяти вечера она была обычно занята, а отметить мое «освобождение» предложила путем переноса работы на следующий день. Мне сразу стало стыдно – звоню ей, сопли на кулак наматываю, внимания требую. Решено! Поеду к Никите пока, а к вечеру, к Тоне. Пусть человек спокойно доработает.

– Но только до четырех вечера, Ник. Потом я к Тоне поеду.

– Ну вот, только встретились, а ты уже меня на других женщин меняешь, Саня. Как всегда, – закатил он глаза. – А Антонина до сих пор не замужем, что ли?

– Это почему ты так решил?

– Ну, вы в будний день собираетесь тридцатиградусные чаи гонять вечером без повода. Как две старые девы, – подколол меня похоже уже бывший друг. Я сузила глаза и ущипнула его за бицепс.

– Поговорите мне тут, Никита Маркович. Сами-то тоже бобыль бобылем.

– Мужчинам можно. И вообще, может в нашей верской семье все строго по расписанию: сначала Кир должен жениться, а потом уже я.

При упоминании сводного старшего брата у меня внутри что-то больно натянулось. Кирилла я толком и не знала. Видела пару раз, да и то много лет назад. Сейчас я даже и не

узнаю этого мужчину.

– И что же, Кирилл еще не женился?

Никита приобнял меня – со стороны мы казались настоящей парочкой. Будь у Ника девушка, то ее уши точно бы были обвешаны сплетнями. Мне стало обидно за гипотетическую девушку, и я вывернулась.

– Ты не отвлекай, – отшутилась я, – отвечай на вопрос.

Никита как-то по-кошачьи фыркнул, гибко потянулся, задрав сильные руки вверх, а потом снова меня приобнял, засранец.

– Могу позвать в гости, если хочешь.

Меня холодный пот прошиб – этого еще не хватало.

– Ник, ты меня познакомить, что ли, хочешь? Я просто спросила, а ты уже какие-то макиавеллиевские планы построил.

– Ну раз мы с тобой никогда не поженимся, а я хочу видеть тебя членом нашей стаи, то остается старший брателло. Он милый, когда спит зубами к стенке, так что не бойся, не съест.

Я только головой покачала и напомнила про стирку. Через пять месяцев на меня ни один мужчина уже не посмотрит. Меня уже успели изрядно «погрызть» до плодовой косточки.

Настроение моментально улетучилось. Ник заметил, но понял по-своему.

– Саня, ты боишься его, что ли? Ну да, он вер потомственный, внушает трепет, но Киря заботливый, по-своему, но за-

ботливый. Семья для него все. А ты – моя любимая сестренка.

– Запомни эти слова, когда тебя твой Киря женит на каком-нибудь «бизнесе» и глазом не моргнет.

Ник снова захохотал, а потом потискал меня, как в детстве. Мы вспомнили школьные деньки, потом разговор перешел на его учебу, а вскоре мы дошли и до парковки, где Никита усадил меня в дорогой кабриолет.

– Это папин, – невинно заморгал высокий красавец и мой близкий друг. – Я на такую еще не заработал. – Запрыгнул на водительское сиденье и включил музыку. Удивительно, но меня никогда не напрягало то, что Ник был сыном из богатой семьи. Я никогда не чувствовала рядом с ним ни смущения, ни завести. Наверное, потому, что он был открытым и добрым. И…

– Кстати, а что ты делал в парке?

И тут я увидела, как Никита Громов покраснел.

Глава 6

Я никогда не видела, чтобы Никита, тот самый Ник, которого мне частенько приходилось в школе вытаскивать из передряг. Парень, который мог с горячей головой кинуться в драку, даже если противников было намного больше, безрассудный, упрямый весельчак, не знающий отказа у девчонок, вдруг покраснел.

У меня от удивления глупо приоткрылся рот.

– Ник?

Никита сжал челюсть, и я увидела желваки. Неужели он так напряжен?

– Ты не хочешь рассказывать, – ошарашенно проговорила, глядя на то, как он сжимает руль. Так вот, как выглядит раздраженный и недовольный вер. Я раньше никогда не видела истинную природу Никиты. Знала, что он вер, что его папа рано погиб, что тетя Оля, его мама, вышла повторно замуж и тоже за вера, и что они теперь очень влиятельны и богаты. Но я жила своей жизнью, решала свои проблемы и мне никогда не было дела до мира верской элиты. Это как с десертами. Вы знаете, что на юге Франции есть лучшие в мире кондитерские со сладостями, которые пробовали даже древние короли, но это все настолько далеко от вашей повседневной жизни, что никак не трогает ваши чувства. Есть и есть.

Вот так же я относилась к верскому статусу Никиты. Ну, есть и есть. Меньшим другом он от этого не станет.

– Не сейчас, Сань. Приедем домой и, может быть, поделюсь своей тайной с тобой. – Ник быстро глянул на меня, прищурив глаза. Лукаво улыбнулся и дополнил: – А, может быть, и нет.

Он хотел казаться веселым и не сильно заинтересованным в этой теме, но за смешинками в красивых ярких глазах, я увидела то, что совершенно не ожидала: тоску. Тоску по кому-то. И мне стало совестно, что я так бесцеремонно лезу в его личное и сокровенное.

– Прости, я не буду больше спрашивать, но ты знай, что я всегда тебя выслушаю.

– Святая Александра, – с иронией прыснул Ник, но я увидела, что он расслабился.

Мы доехали быстро. Никита свернул в подземный паркинг, а я завертела головой. Дом мне показался смутно знакомым. И вот та остановка. Но я не помнила этого прекрасного внутреннего садика. Нет, я здесь точно не была, я бы не забыла такую красоту.

Когда мы вошли в здание, то я с удивлением обнаружила стойку с ресепшен и миловидную девушку. Она моментально поднялась, поприветствовала нас, выдала Никите корреспонденцию, уточнила, не нужны ли ему какие-то услуги по клинингу и пожелала хорошего дня. У меня было ощущение, что я попала в какой-то роскошный отель, а не жилой дом.

– Ты здесь живешь? – уточнила я на всякий случай и остановилась около дверей лифта, но Ник подхватил меня под локоток и повел к дальнему лифту, где вставил специальный ключ в панель. Двери мелодично закрылись, а на табло высветилась буква «Р».

– Ага. Папа нам с Киром купил каждому по квартире. Сказал, чтобы шуры-муры устраивали не на глазах мамы. Но их коварный план все равно провалился, – рассмеялся Никита и, когда увидел мое непонимающее лицо, пояснил: – Я уехал учиться и действительно учился, а не шуры-муры устраивал. А Кир в своей только спит после работы, он у нас трудоголик. Так что внуками наших никто не одарил, а они спят и видят, как мы приведем с виноватыми глазами какую-нибудь несчастную.

– Почему несчастную? – опять не поняла я.

Ник нахмурился и серьезно посмотрел прямо в глаза:

– Саня, ты что, прогуливала уроки по верской социальной иерархии?

– Почему? – возмутилась я, хотя и прогуливала. Ну что там можно не знать: элита и есть элита. Еще и детей иметь могут от очень ограниченного числа женщин. Да многие вообще детей иметь не могут и живут. А тут прямо проблема у богатых. В общем, всерьез я это все не воспринимала.

– Потому что, к сожалению, беременность не гарантирует совместимость. И если родится мальчик, то он всегда забирается отцом в свою семью. Мать на него теряет какие-либо

права.

– Что?! – я с ужасом уставилась на Ника и неосознанно прижала ладонь к еще плоскому животу. – Ребенка могут забрать?

Ник тяжело вздохнул и потянулся.

– Полностью и безвозвратно, если вер не сошелся с будущей мамой характерами. Так что быть нашей парой не так уж и здорово. Но, с другой стороны, если мы влюбляемся, то на всю жизнь.

– Ой прямо на всю, – ткнула я локтем Ника. Никогда бы не подумала, что он, например, может настолько сильно в кого-то влюбиться.

– На всю, – ответил он серьезно, а потом нагнулся ко мне ближе и оскалился, демонстрируя чуть длинные резцы, – мы же потомки оборотней.

– Пятая вода на киселе, – рассмеялась я.

– Вот сейчас возьму и покусаю! – обиделся Никита, а потом клацнул зубами и рассмеялся, когда я от него машинально дернулась. Лифт остановился, и двери снова мелодично разъехались в стороны, выпуская меня в просторный красивый холл. Здесь была только одна дверь. Никита быстро набрал код на цифровом замке и распахнул дверь, а потом склонился передо мной в шутовском поклоне и пригласил жестом внутрь.

Я медленно вошла и замерла, вглядываясь в пейзаж за огромными панорамными окнами. Какое же это было уди-

вительное чувство свободы. Почти полета. Я как под гипнозом шла к этим огромным окнам, но с каждым шагом все сложнее переставляла ноги. Беременность. Потеря работы. Отсутствие денег. Родители, которым я должна была помогать, а не они мне. Полная тотальная неопределенность. А ведь еще на следующей неделе меня ждала поездка в детдом. Петька наверняка уже собрал свой рюкзак и ждал меня.

Что теперь будет?!

Я замерла, хватая ртом воздух. Перед глазами заплясали черные мушки. Горизонт почему-то стал крениться, а рядом закричал мое имя Никита. Я хотела сказать ему, что все в порядке, но губы не слушались, а картинка перед глазами продолжала темнеть.

Глава 7

Очнулась я на чем-то мягком. Это оказался большой диван в гостиной. Ник сидел на корточках передо мной и держал двумя руками стакан с водой.

– Сань, что с тобой? Мне вызвать врача?

– Не надо, Никит. Это не смертельно.

Он громко поставил стакан на журнальный столик и резко поднялся. Скрестил руки на груди и… приказал:

– А ну, рассказывай, что это у тебя такое «несмертельное»!

От его тона у меня по спине пробежал легкий холодок. Я села, опустив ноги на пол, и положила руки на колени, как прилежная ученица, надеясь, что пронесет.

– Я просто беременна. И это точно не смертельно. И… – я рассказала вкратце всю историю той ночи. По крайней мере, что я помнила.

Три секунды в квартире стояла оглушительная тишина, а потом Никита разродился такой тирадой, что у меня уши в трубочку заворачивались сами собой.

– … да я ему оторву голыми руками! Сань, ты только скажи! – выдохнул он с последней злостью оставшиеся мысли.

– Тоня тоже сразу подумала про плохое. А может быть, это я соблазнила и бросила, – мой голос с каждым словом становился тише. Я ведь даже сама в это не верила.

Никита снова сел на корточки и взял мои руки в свои. Он был такой расстроенный и потерянный. И не удивительно – в его возрасте о детях вообще не думают, а тут я со своим животом.

– Так, я это все обмозгую. Ты помоги мне с обедом, я пока все переварю, а потом выдам тебе классное решение всех проблем, хорошо, Сань?

Я улыбнулась, глядя на взъерошенного Ника и кивнула. Ну какое решение проблем может мне предложить парень, нет, вер, из богатой семьи. Он и одной десятой этих проблем никогда не испытывал, но мало ли. Одна голова хорошо, а две – лучше.

К чаю я быстро замесила тесто для оладушек и напекла их целую горку, пока расспрашивала Никиту про его планы. Про работу он со мной охотно делился, выбалтывая все сек-

реты фирмы. Хотя, какие там секреты, так вводная информация про холдинг «Сандергрупп», в которой бессменным главой был Кирилл Громов. Никите предстояло работать с международными филиалами, так что в семье никакой борьбы за власть не было. Да и Никита брата очень уважал и любил.

Здорово, когда за твоей спиной такой крепкий тыл. Я бы тоже хотела завести крепкую семью, чтобы никакой шторм не сносил.

На сковороде зашкварчало масло, и я опомнилась, переворачивая оладушек. Докладывать в тарелку я еле успевала – все быстренько уходило в рот к Нику.

– Так, хватит жрать. Ты к чаю ничего не оставишь.

– Они бобефственные, – проговорил с набитым ртом Ник и закатил глаза. Вот же зараза! Сколько не жрет, ни разу не набрал лишнего веса. А мне весь сознательный возраст приходилось следить за питанием, и все равно фигура была… фигуристой. Хорошо хоть волосы не подводили. Темные, густые, вились локонами. В хорошую погоду я вообще могла их почти не укладывать.

Я посмотрела на Ника, словила взгляд его ярких голубых глаз, и впервые задумалась, а на кого будет похож мой ребенок.

«На меня», – отрезала все лишние мысли. – «Ты темненькая, и глаза карие. Без вариантов». Но как бы я себя ни уго-

варивала, варианты все-таки еще оставались.

Я выдохнула, перевернула оладушек и без предисловий спросила у друга прямо:

– Ник, я тебе свой секрет рассказала. Так что рассказывай, что у тебя на личном фронте.

– А что на нем? Ой, у меня ж сгущенка есть, – подорвался он к холодильнику и скрылся за огромной дверцей.

– Ник? – добавила я раздражения в голос.

Ник хлопнул дверцей и привалился к отполированному куску металла, снова сложив руки на груди. Бицепсы на руках напряглись, под тонкой футболкой проступил рельеф. Никита был просто неотразим со своей этой наглой улыбочкой и отросшими светлыми волосами. С трудом верилось, что у него могут быть какие-то реальные проблемы на этом самом фронте.

– Сань, ну что ты хочешь знать? Сколько раз меня отшили? Или чем облили? Или сколько букетов мне вернули? Ну что ты ржешь?

– Если она тебя обливает, то это любовь! – прыснула я.

– Ну с тобой вряд ли кто сравнится по порче моего имущества. В общем, что ты конкретно хочешь знать?

– Погоди, ты же недавно совсем вернулся! Когда успел уже накопить такой опыт? – удивилась я. Сколько Ник в Москве? Два? Три дня?

– Я пошел на таран.

– Но крепость, похоже, выдержала, – не смогла сдержать

свой хохот, за что и получила обиженный взгляд. – Ну ты даешь! Я бы тоже отказывала. Знаешь, такое может напугать.

Ник нахмурился, будто впервые задумался об этом.

– То есть мне перестать?

– Просто дай ей свободу выбора. Не навязывай свое решение, а предлагай. – Я положила последние оладушки на тарелку и сразу же накрыла их второй, чтобы не дать их все сожрать и чтобы они не успели остыть к чаю. – Так понравилась?

Никита прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Безумно, – как-то обреченно ответил он, а у меня всколыхнулась женская ревность. Я сейчас на самом деле завидовала этой безымянной девушке, которая стала причиной такого помешательства у вера. А вдруг она его истинная?

– Сань, вот даже не думай об этом, – в голосе проступило рычание.

– О чем? Я же ничего не сказала.

– Ты подумала. Громко! – разозлился Ник. – Начиталась романов своих. Нет никакой истинности. Просто гены, просто случай.

– Ладно-ладно, не кипятись. Ты, когда злишься такой миленький, прямо затискать охота, – состроила я умильную рожицу, чем еще больше разозлила вера.

Ник оскалился:

– Са-ня!

Я хотела ответить, но в дверь резко позвонили. Никита

замер, уставившись в полутемный коридор.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет, но это кто-то из своих, – ответил он и пошел открывать гостю.

В коридоре послышался мужской голос, и я поняла, что к Никите пришел старший брат. Не знаю почему, но по моей спине прошел озноб, спустился вниз и сгустился на копчике, отчего ноги моментально задеревенели.

Я что, боюсь Кирилла Громова? Что за абсурд! Я же его сто лет не видела.

Никита с широкой улыбкой провел брата на кухню и сразу же усадил за барную стойку напротив меня, где стояли тарелка с оладушками и чай в чайнике.

– Саша божественно готовит. Вы таких оладушек нигде не ели, Кирилл Викторович. – Никита сразу принялся наливать чай и накладывать все, что я приготовила в тарелку к брату.

Я натянуто улыбнулась старшему веру, пытаясь не сжаться под пристальным, строгим взглядом, и порадовалась, что Ник взял заботу о госте на себя. У меня тело очень плохо слушалось.

Кирилл был мощнее и выше Никиты. Неудивительно, в общем-то, они же были сводными братьями. Но взгляд у них был схожий, «громовский» – без искорок смеха, таким взглядом можно было гвозди вколачивать. Никиту я серьезным видела нечасто, со мной он всегда расслаблялся, но я знала, что он может быть и таким, как брат. Но Кирилл, по-

хоже, являл собой идеальный образчик верского генофонда: высокий, сильный, с жесткими чертами лица. Не мужчина – скала. Только вот я таких красавцев ужасно боялась. Властный и упрямый – с таким жить одно мучение же.

– Саш? Ау? – услышала я голос Никиты, который пробивался через мои мысли. Неужели я отключилась?!

– Прости, что ты говорил? – Я боялась смотреть на Кирилла. Постоянно уводила взгляд. А вот он в меня прямо впился, до костей сканировал своими серыми глазами, будто знал что-то про меня.

– Кирилл спрашивал, как у тебя дела, – улыбнулся Никита, который, похоже, не чувствовал странной атмосферы.

– Нормально. Все хорошо, спасибо. А у вас? – набралась я наконец-то смелости посмотреть Кириллу в глаза. Вот лучше бы не делала! Он смотрел на меня с какой-то странной смесью удивления и злости. Я, наверное, мешаю сейчас своим присутствием. Он же по делу пришел.

– Работаю, – хрипло ответил Кирилл.

– О! Кстати, о работе! – вдруг оживился Ник и приобнял меня. – Ты когда в декрет собираешься?

Чашка со звоном разбилась об пол. Кирилл так и сидел с вытянутой рукой и просто сверлил место на моей талии, где лежала рука Никиты.

– Какой декрет? – глухо переспросил он. И Никите бы замолчать и прекратить паясничать, но…

– У нас будет маленький, – с улыбкой от уха да уха про-

говорил смертник по имени Никита и притянул меня к себе еще сильнее. Кирилл угрожающе медленно поднялся из-за стола.

– Что? – выдохнул он почти спокойно, но я видела, как пульсирует зрачок. Как бешено бьется жилка на шее. Да он нас сейчас прихлопнет одним замахом! Я выпуталась из объятий Ника, который явно веселился, и попыталась объяснить:

– Он шутит. Вернее, беременность есть, но к Никите это никакого отношения не имеет.

– Имеет, – влез Ник.

Мы одновременно с Кириллом цыкнули на него.

– Сколько недель? – вдруг спросил старший вер.

– Около двух, – спокойно ответила я. – Мне просто стало нехорошо, поэтому я и рассказала Нику. Простите, я не знала, что он так шутить начнет, – я оправдывалась, хотя ведь ничего плохого и не сделала, но почему-то глядя на Кирилла Викторовича мне хотелось прояснить ситуацию.

Злость в его взгляде сменилась еще одним оттенком, который я совершенно не могла понять – болью.

– А будущий отец знает? – почему-то спросил он.

– Это… только мой ребенок, – ответила я, стараясь не уходить во вранье. Вряд ли такой мужчина оценит беременность по залету после корпоратива. У Ника хватило мозгов промолчать.

– Ясно, – глухо ответил Кирилл Викторович и сжал руки в

кулаки. Напряжение в его позе давило на меня физически. – Я загляну позже, – сказал он брату и похлопал его по плечу, но взгляд у него был отрешенным и пустым. Ник проводил его, что-то тихо еще сказал на прощание, а я смотрела на осколки от чашки и все внутри сжималось от странной тоски, вдруг сковавшей грудную клетку. Взгляд старшего вера, больной и несчастный, меня так и не отпускал.

Глава 8

Кирилл. Спустя час

Я смотрел на водную гладь бассейна и думал, каково это вот прямо сейчас нырнуть вглубь и утопиться. Послать все в задницу и успокоить уже свою верскую суть.

Саша беременна! – мысль, которая просверлила в моем мозгу зияющую дыру. Срок – около двух недель.

Я сжал кулаки до хруста.

«Это… только мой ребенок».

Вот эта фраза уничтожила меня. Она не хочет признавать меня. Делает вид, что мы – чужие. Что я чужой! Никита как был, так и остался ее другом. А я – ошибка.

Вода обдает меня приятной прохладой, обволакивает, накрывает с головой. Не хочется шевелиться. Не хочется всплывать. Но я делаю гребок рукой, потом второй. Вода вязкая, слишком густая, но я плыву дальше. Я двигаюсь вперед, как и всегда делал. И в этой ситуации я тоже не сдамся. Саша будет моя. Я не позволю растить нашего ребенка отдельно

от меня!

На краю сознания всплывает черненькая мысль про верские права на мальчиков, но я отметаю ее, как отвожу рукой воду. Мне не нужен ребенок без Саши. Мне нужна семья.

Я выныриваю у края бассейна и подтягиваюсь на руках. Вылезаю и сдергиваю очки для плавания. Сегодня моя тренировка будет короткой, потому что мне нужно решить одно важное дело. Я не дам так легко от меня отмахнуться.

В душе я почти не чувствую горячих иголочек, что бьют по мышцам. Мои мысли сейчас не здесь. Они в той ночи, когда я целовал ее губы. Когда понял, что пропал. Втюрился как мальчишка. Сдерживался как помог, пока Саша неумело меня соблазняла. А в итоге получил игнор и захлопнутую дверь перед носом.

– Надо было тебя оставить с Сагановым, а не забирать из его лап, раз ты все равно приключений себе на задок искала, – зло прорычал я в кафельную стенку душевой. А потом кулаком по ней долбанул, потому что ни с кем бы я Сашу не оставил. Особенно, с Сагановым!

Кстати, об Артуре. Надо бы позвонить Потапу и разузнать, что вообще такое было на корпоративе. Интуиция моя вопила, что нельзя это так просто оставлять.

Я вышел из душевой спа-зоны, накинул халат и пошел к своему лифту. Уже у себя в квартире я расслабился на диване, выпивая томатный сок, и принялся тереть переносицу – это всегда помогало мне думать. Если Саша не хочет от-

ношений со мной, то я просто возьму ее измором. Завоюю сердце. Да, задача для меня непривычная; за женщинами я еще не бегал, но и Саша – особый случай. Уникальный.

Так, что я о ней знаю?

Я посидел с минуту с закрытыми глазами, собирая в голове все факты, а потом резко их распахнул. Вот оно решение!

– Ник, можешь говорить? – набрал я брата.

– Ага, слушаю, босс, – ответил Никита, явно что-то с удовольствием поедая.

– Завтра будешь «босскать», – хмыкнул я. Всегда завидовал Никите за его легкий, веселый характер. Неудивительно, что девушки висели на нем постоянно. Кроме Саши. Я сжал челюсть, собираясь для разговора. – Я по личному делу звоню. Про беременность это была не шутка?

– Да кто ж такими вещами шутит. Ну ладно, есть такие индивиды, но ты же Саньку знаешь. Она врать про такое не будет.

– Никит… – позвал я брата, не решаясь задать этот вопрос, но хватит рефлексировать! – Ты знаешь, кто отец? Почему Саша так категорично ответила?

Брат замолчал, а у меня сердце бухало так, что я боялся не расслышать ответ. Никита мог и отшутиться – кто я Саше. Никто. А может, сейчас будет очень неприятный разговор про мое поведение, хотя я не сомневался, что Саша никогда бы не сказала этого. А значит, и ответа я не получу.

– Блин, ты меня без ножа режешь. Я обещал молчать. Но

считаю, что вина твоя в этом есть, – вздохнул Никита, а у меня все внутри остановилось, дышать стало тяжело. Она меня ненавидит – вот о чем я из-за своего высокомерия не подумал. Я причинил ей боль? Обидел?

– Саша сказала, что что-то произошло на корпоративе ВВП. Она ничего не помнит после. Больше я ничего не скажу. Но выясни, что там произошло у Потапова!

У меня пересохло в горле.

– Она не знает от кого ребенок?

Никита молчал, а потом выпалил:

– Не смей думать о ней плохо! Это случайность.

Случайность… У меня все внутри перевернулось и заново заиндевело. Я думал… надеялся, что ее интерес лично ко мне, но похоже сильно промахнулся.

– Я не собираюсь никого ни в чем обвинять, Ник, не злись.

– Санька еще такая гордая. Я теперь голову ломаю, как ей помочь. Она ж еще и работы лишилась, – голос брата стал спокойнее, но и грустнее.

– Она же в положении? – какой удот мог уволить беременную девушку?!

– Каракину насрать. В общем, если будут идеи, то буду рад услышать, – снова вздохнул Ник, а я задумался. Это же мой шанс войти в жизнь Саши, привязать ее к себе. Влюбить. Похоже, ее беспамятство мне на руку.

Саша Железнова, больше ты не исчезнешь!

– Будут. Завтра расскажу.

Глава 9

Я перехватила пакет с продуктами поудобнее в руке и позвонила в дверь. Мелодичный звук отозвался с той стороны двери, а следом послышался звук открывающегося замка.

– Я тебя уже заждалась, – пожурила меня Тоня и сразу же забрала пакет. – Вы как встречаетесь с Ником, то как две подружки-сплетницы, пока не наговоритесь, не разойдетесь. Как у него дела?

Я скинула кеды и всунула ноги в милые тапочки с помпонами. Джинсовую куртку я повесила рядом с Тониной паркой на старую вешалку. И завернув в ванную, чтобы помыть руки, сразу же оказалась на кухне.

– Прекрасно. Живет в хоромах на последнем этаже. Готовится войти в должность у брата. Страдает от неразделенной любви. Ой, – вспомнила я, – я ж футболку не постирала!

Тоня раскладывала еду по тарелкам – ее фирменное рагу – и удивленно подняла на меня взгляд. Я выставила ладонь и набрала Ника. Тот ответил почти сразу:

– Слушаю и не повинуюсь.

– Придется. Я твою футболку забыла достирать, Ник. Кинь ее в машину с грязным бельем, иначе след на белом может остаться.

– Эм, с грязным бельем? – как-то замешкался Ник. Потом засопел, видимо, начав поиск этого грязного белья.

– У тебя что, нет корзины с грязным бельем?

– Корзина-то есть, но ко мне приходит обученный человек

и все убирает.

– Вот же богатей, – фыркнула я улыбаясь. – Тогда слушай внимательно: отожми футболку и брось ее в стиральную машину. Сделал?

– Да, – уверенно ответил Ник.

– Добавь порошок или гель в отсек для средств, закрой крышку и запусти машину на эко-стирку. Сделал?

Ник ответил менее уверенно и позже:

– Мм, да.

– Врубай машинку, Гагарин. Будешь первым мажором, запустившим процесс стирки.

Послышался характерный звук набора воды и какой-то уставший выдох Ника.

– Э, я не мажор. Я просто… ну, не умею. О! Сань, я придумал!

– Что ты придумал? – мне уже не понравилась идея. Никита был слишком авантюристом для стабильной меня.

– Раз у тебя сейчас перерыв в работе, то я предлагаю тебе работу: научи меня быть домохозяюшкой.

– Чего? – вскрикнула я, чем заставила Тоню бросить все и прильнуть к моей трубке с другой стороны.

– Да! – воодушевился Никита. – Научи меня быту. Я хочу в этом разбираться. Проведешь мне платный курс домоводства. Что скажешь?

Я уже набрала в легкие воздуха, чтобы послать его в пешее эротическое, как Тоня вдруг зажала мне рот рукой и вы-

таращила на меня глаза. Она серьезно что ли поддерживает идею Ника?! Я вырвалась из захвата и ответила:

– Я подумаю, ваше высочество.

Ник виртуально чмокнул меня и пожелал нам хорошего времени. А в конце крикнул погромче благодарность Тоне, что та вмешалась.

– Вот же проницательный черт, – усмехнулась Антонина и уперла руки в боки. – А ты нет! Бревно с сучками.

– Ну хорошо, что для тебя бревно, а не вот что второе шло, – показала я рожицу Тоне, за что и получила полотенцем.

– Вообще вайб не ловишь. Никита – гений, скажу я тебе. Не мужик – мечта. И чего вы только друзья, а?

– Раз он такой замечательный, ты что тогда его не охмурила? – обиделась я вполсилы.

– Да он мне как сын, – махнула на меня Тоня. – Я постарше люблю.

– А мне – как брат, – договорила я. – Вообще не могу представить его в качестве пары.

– Но девушка-то есть? – уточнила Тоня из простого женского любопытства.

– Как я поняла, там пока все сложно, так что ничего не расскажу.

– Понятно, – ответила Тоня и включила чайник. – Но я в Никиту верю. Он своего добьется, молоденький вер. А на его предложение соглашайся. Он же пытается помочь деньгами,

но делает это очень изящно, скажу я тебе. То есть ты ему рассказала?

Я, к своему стыду, про это даже не подумала, что Никита может таким способом стараться помочь мне. В памяти сразу всплыло лицо Кирилла Громова. Его пронизывающий холодный взгляд хищника. Я передернула плечами.

– Саш, ты в норме? – Тоня уже сидела за столом и готовилась приступить к трапезе.

– Да, в норме, просто вспомнила этот разговор. Я же у Ника знаешь, кого встретила? Кирилла. Он меня до чертиков напугал. Разбил чашку. Весь такой холодный, как глыба льда.

Тоня прожевала еду и внимательно уставилась на меня.

– А зачем ему было чашки бить?

– Он как про беременность услышал, так и выронил. Он же чистокровный вер. Для таких девушка без мужа с животом – позор семьи.

– Но он тебя не обидел? – напряглась Тоня. Вот с чем она полностью была согласна, так это с верским высокомерием. Им его, похоже, в кашу насыпали, пока они мелкие были. Антонина хоть и видела веров всего ничего – три штуки за жизнь, но хватило до конца дней. А с одним она работала. С самым тяжелым случаем – Владимиром Владимировичем Потаповым.

– Нет, не переживай. Просто тяжело переварил новость. Он, наверное, не рад, что мы с Никитой продолжили обще-

ние после школы. Ну ладно, что обо мне да обо мне. Как у тебя сегодня день прошел?

Тоня вкратце между поглощением рагу рассказала про съемку для своего бьюти-канала, немного про работу, а потом подняла тему, которую я совершенно не хотела обсуждать.

– Саш, ты хоть понимаешь, что это нельзя так просто оставлять! Ты должна в полицию пойти. Ну или хотя бы подумать о том, чтобы все выяснить.

Я сжалась на стуле. Мне было ужасно стыдно и плохо. Ну не могла я и не хотела никому это озвучивать.

Тоня сжала мою руку на столе и посмотрела ласково:

– Сашуль, я понимаю, что ты хочешь все это вычеркнуть. И у тебя сейчас другие задачи. Но… это ситуация совершенно неадекватна.

– Нет, Тонь, я тебе готова рассказать все, что еще вспомню, но не могу и не хочу заниматься поисками. Прости.

Тоня погладила мою руку и кивнула:

– Хорошо, я поняла. Все, закрыли тему. Если вспомнишь, сама мне расскажешь. Я больше лезть не буду.

– Спасибо, – поблагодарила я за понимание. Мне становилось нечем дышать, когда Тоня поднимала вопросы про ту ночь. Ничего же не случилось страшного. Наоборот, я теперь буду мамой, о чем и не мечтала. А отец… да сколько матерей-одиночек в стране. Справлюсь.

Тоня сразу перевела тему разговора, и мы принялись об-

суждать общие планы на выходные. Потом я приготовила десерт. Не эклеры. Блинчики со сгущенкой, но слопали мы словно французский десерт. А потом я блаженно завалилась на тахту в Тониной комнате-студии. В телефоне завела будильник на утро, чтобы встать пораньше и пойти к себе. Внутри было спокойствие, почти блаженство, будто ты еще на каникулах, но лето еще не закончилось. Детское и полузабытое, но такое счастливое. Сразу захотелось к родителям в Тулу, но у папы больное сердце, с новостями надо немного повременить, через маму его подготовить. Глаза мои закрылись, и в голове пронеслись картинки, как я качаю на качелях маленькую девочку, рядом смеется Петя, а меня за талию крепко прижимает рука с татуировкой меча. В полудреме я попыталась отогнать этот образ, но так с ним и заснула.

Тоня промокнула волосы и закрутила их в тюрбан, вышла из ванной, прошла мимо своей маленькой комнаты, где снимала обзоры на косметику, но замерла на полушаге и прислушалась к звукам из комнаты. Сашка спала. Она быстро юркнула в свою комнату и открыла створку шкафа – там, на большом ватмане, были написаны имена, даты, карандашом сделаны пометки, а красные нитки вели к центральной игле, где жирными буквами было написано название ресторана «Капоне».

– Ты не хочешь его искать. А для меня это дело принципа и кармы, Саш. Так что прости, но я это так не оставлю, – проговорила Антонина и ручкой дописала плюсик около имени

Потапова, куда аккуратно добавила Кирилл Громов, а карандашом сделала пометку (может знать отца). В списках гостей его не было. И на вечер он не приехал. Но Тоня теперь не сомневалась, что он был осведомлен о той ночи.

Глава 10

Утром я проснулась какая-то разбитая и уставшая, хотя вроде спала хорошо. Есть совершенно не хотелось, зато аромат кофе поднял с кровати. Тоня уже заваривала свой любимый напиток с корицей, но мне всучила теплый морс.

– Даже не смотри в сторону турки. И готовься, что я буду сдувать пылинки с тебя все оставшиеся месяцы, Саш. Не прощу себе, если поведусь на твой жалостливый взгляд и дам слабину. Ты вообще думала, что отец ребенка может быть вер?!

Я сразу же села за стол и закрылась руками.

– Конечно, думала. Или ты веришь в божественное провидение? Мой гинеколог так сразу и сказала, что мой парень явно утаивает от меня свой генетический паспорт. Ох, Тоня, надеюсь, у меня будет девочка. Девочки же им не нужны, правда?

Тоня выключила плиту, сняла турку с огня и перелила себе в чашку, но пить не стала, поставив ту на столешницу, на которую и облокотилась. Все-таки ее подозрения про то, что Кирилл Громов знает, кто отец похоже все-таки не беспочвенны. Вот вытрясти бы из него всю правду!

– Говорят, не нужны. Но не думаю, что тебя при этом от-

пустят на все четыре стороны. Все-таки свою кровь они блюдут.

– Но я же могу не проходить тест и не регистрировать генетический паспорт на девочку. Кто узнает? – но судя по Тониному прищуру, она сейчас сомневалась в моем интеллекте.

– Серьезно, Саш? И как потом ты в садик ребенка отдашь, а в школу? Сама же знаешь, что это сейчас почти автоматика. Это тебе не Вермерика, где еще можно как-то затеряться в одном из штатов с обычным свидетельством. У нас тут киберстрана. Так что после рождения наши шансы найти отца удвоятся. Но хотелось бы все-таки выяснить раньше. Хотя бы для успокоения тебя.

– А я не переживаю, – постаралась я успокоить подругу. – Нисколько. Живу и радуюсь.

– Ага, – кивнула на морс Тоня, – Пей витамины, давай.

Позавтракали мы за беседой о съемках нового бьютибокса, который Тоне прислали на обзор. Я категорически не понимала, почему она все-таки не пошла работать в это направление, да тем же аудитором, а ушла в аудиторский центр.

«Там платят больше», – как-то сказала Антонина, но я сильно в этом сомневалась, потому что ремонт в квартире подруга так и не начала, да и по дорогим курортам не ездила. Может, что-то произошло, о чем я не знаю…

– Саш, не спи. Ты сегодня с хозяйкой встречаешься. Не забыла?

«Забыла! Все забыла!»

– Нет, конечно. Вот уже бегу собираться.

Тоня принялась мыть посуду, чтобы не оставлять ее киснуть в раковине на весь день, а я скользнула в комнату и вытерла вспотевшие ладони о пижамные штаны. Что-то мне было как-то нехорошо. Но на ранних сроках же всегда непривычно.

***

Я держалась за старый торшер в гостиной, пытаясь хоть как-то удержать себя в руках. Хозяйка квартиры – Пелагея Самаиловна была женщина непонятного возраста, но понятных семейных ценностей с фамилией Кац. Когда я только подписала с ней договор, то не услышала никаких звоночков. Зато сейчас оглохла от колокола, который прозвенел в самое непростое для меня время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.